

УДК 81`367.3

**ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕРЕАЛЬНОГО СРАВНЕНИЯ
КАК ЗНАК ФОНОВОГО ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ПЛАНА
В НАРРАТИВНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**
(на материале романа Франца Кафки «Замок»)

И.А. Шипова

Московский педагогический государственный университет, Москва

Статья посвящена исследованию основного и фонового планов повествования нарративного художественного текста (НХТ), в котором придаточные нереального сравнения фигурируют как особые синтаксические структуры, отражающие фоновый план повествования. Семантические свойства и прагматический потенциал придаточных предложений данного типа позволяют трактовать их как знаковые образования НХТ, влияющие на восприятие текста в целом.

Ключевые слова: *основной / фоновый план повествования нарративного художественного текста, придаточные нереального сравнения, модальность текста.*

Нарративный художественный текст (далее – НХТ) далеко не всегда ориентирован в первую очередь на изложение разворота описываемых в нем событий. Он может включать в себя разнообразные описания, рассуждения, комментарии, пояснения, оценки явлений, персонажей и мн. др. Поэтому текст такого типа можно рассматривать с двух разновекторных позиций: как линейное (горизонтальное) и многомерное (вертикальное) образование. Части текста, предложения – высказывания, непосредственно развивающие сюжетную линию НХТ, создают горизонтальный уровень текста. «Вклинивающиеся» в него фрагменты, предложения, части предложений или словосочетания, не относящиеся непосредственно к теме повествования, комментирующие изображаемое, содержащие замечания общего порядка, ссылки на похожие ситуации или явления, упоминаемые в рассказе, и таким образом выбивающиеся из нарративного потока, образуют вертикальную ось координат и делают текст объёмным.

На способность НХТ интегрировать в себя дополнительные элементы, не относящиеся к стратегической линии нарратива, указывали многие исследователи. Этот сегмент текстообразования как бы уводит в сторону от непосредственного рассказа – так называемой нарративной цепочки, причём его удельный вес не обязательно ниже основной повествовательной линии, но он всегда существует над или под главной структурой, что было замечено многими учёными [7–9; 11 и др.]. Для обозначения двух пластов текста в их работах встречаются термины foregrounding / backgrounding (выдвижение / фон). В немецкой лингвистике текста говорят о Vordergrund / Hintergrund (о переднем / заднем плане), В. Дресслер указывает на существование Haupt- und Nebenhandlung (основного и второстепенного действия) в тексте [9: 47, 52].

В российской научной терминологии отсутствует чёткая классификация данных составляющих, по крайней мере, их не ассоциируют с какими бы то ни было конкретными элементами текста. При исследовании информацион-

ной структуры текста упоминается основная и второстепенная информация, но и в этом аспекте нет точной разработки критериев их значимости. В.А. Плунон пишет о типах пассажей, релевантных для описания правил использования грамматических показателей в нарративном дискурсе, упоминая среди них фоновый, включающий описание обстоятельств, сопутствующих событиям основной линии повествования, а также второстепенных ситуаций, развивающихся параллельно с событиями основной линии [5: 20, 21]. Но поскольку в классификации выделяется пять типов пассажей, то они не могут образовывать прямой оппозиции, предлагаемой к рассмотрению в названных выше исследованиях. Такая оппозиция представляется нам, однако, продуктивной в плане изучения языковых характеристик нарратива, позволяющей проникнуть в глубинные смыслы НХТ и увидеть прагматическую интенцию, заложенную в каждой её составляющей. Поэтому мы предлагаем терминологически обозначать расслоение нарративного художественного текста как оппозицию основного и фонового плана повествования.

Данные планы или пласты текста не равнозначны с семантической точки зрения, что отражается в их языковом оформлении; их виды вполне определяемы и могут рассматриваться как знаковые явления в НХТ, которые представляют собой некую парадигматическую иерархию. Различия между ними определяются на семантическом, морфологическом, синтаксическом, интонационном уровне текста, каждый из которых выполняет соответствующую функцию и порождает определённый прагматический эффект, но не служит исключительно цели выделения какого-либо плана повествования

Критериями линейного текста (нарративной цепочки), т.е. основного плана повествования, является хронологическая организация повествовательного потока, наличие идентифицируемого субъекта рассказа, логическое протекание одного события в другое или их взаимосвязь, динамика развития происходящего, единый модус изложения.

Для фонового повествовательного плана характерно наличие пересекающихся событийных линий, уводящих в сторону от магистрального сюжета, реализующихся в смене временных форм глаголов; отсутствие прямой взаимосвязи между изображаемыми фактами, смена субъектов повествования, фокусировки описания, так как в поле зрения попадают не только люди, но и природа, предметы, животные и др. Динамические описания сменяются статическими, из-за чего меняются темпоритмы текста. Внешние описания переориентируются на внутреннее состояние объектов. На уровне семантики текста фоновый план повествования образуют интертекстуальные включения, элементы диалогичности, полифоничности, билингвизм, стилистические отклонения и др. На уровне композиции текста на периферийный план повествования часто уходят композиционно-речевые формы рассуждения и описания (хотя с определёнными оговорками), внутренний монолог персонажей. Текст, строящийся по принципу передачи потока сознания, содержит много «периферийных» замечаний, не относящихся непосредственно к повествовательному потоку. На уровне синтаксиса к ним принадлежат метатекстовые элементы текста, парентезы, определённые виды придаточных предложений [7: 759].

Одним из видов гипотаксиса, отражающего фоновый план повествования, являются придаточные предложения с семантикой нереального сравнения.

В системе синтаксиса немецкого языка они занимают особую нишу. Это не связано с их особой частотностью – данная структура имеет довольно слабое распространение, а их употребление ограничено, как правило, определённым функциональным стилем. В НХТ они выполняют важные функции, связанные с их семантическими и структурными особенностями. Именно в нём придаточные предложения нереального сравнения можно рассматривать как знак, позволяющий сопоставить две ситуации, но не тем обычным способом, столь часто встречающемся во всех сферах жизни и человеческой деятельности, когда с помощью сравнения говорящий пытается нагляднее охарактеризовать явление или предмет с точки зрения какого-либо качества. Нереальное сравнение привносит в процесс сопоставления дополнительный уровень сознания, некоторые впечатления, неопределённость, а значит, даёт возможность продуценту речи эксплицировать свой чувственный опыт, не претендуя на объективность суждения. Здесь даётся «психологическая интерпретация внешних симптомов» каких-либо действий, которые должны восприниматься в свете сопоставления с нереальными, гипотетическими процессами. Восприятие таких описаний допускает ошибочную или неточную интерпретацию или требует более тонкой нюансировки [2: 822]. Возникающая в данном виде гипотаксиса образность усиливается семантическим компонентом ирреальности.

Семантическая природа нереального сравнения, называемого в русистике ещё и недостоверным сравнением, а в германистике также придаточным гипотетического сравнения (*irrealer Vergleichsatz*, *hypothetischer Komparativsatz*), базируется на кодировке сложного многоступенчатого восприятия фактов, отображает их с помощью данного синтаксического построения. Покажем это на материале одного из самых известных текстов Ф. Кафки – его романа «Замок», в котором удельный вес придаточных нереального сравнения значительно превышает привычную частотность данных структур в НХТ. Представляется, что благодаря этому обстоятельству можно проследить не только реализацию придаточных предложений такого типа в качестве знака фонового плана повествования, но и понять, какого воздействия на читателя достигает автор текста, содержащего это синтаксическое образование.

Сложноподчиненному предложению с нереальным сравнением предшествуют, как минимум, две пропозиции, одна из которых отражает факт действительности (реальной или воображаемой, в случае литературного вымысла, где отражается основной повествовательный план), а другая – существует лишь в воображении автора высказывания. Пропозициональное значение главного предложения обогащается за счёт пропозиции придаточного, усиленной компонентом нереальности, гипотетичности, с которым производится сопоставление. Таким образом пересекаются две ментальные плоскости – реальность и нереальность, объективированные с помощью двух разных модусов изложения – актуального и воображаемого. Главное предложение вводится в текст, как правило, как некое сообщение, имеющее своего автора-повествователя и отражающее основной повествовательный план. Придаточное нереального сравнения, по мнению О.И. Москальской [10: 140], передаёт слова третьего лица и строится по принципу пересказанной речи в широком смысле слова. Это очень точное замечание, позволяющее разложить части данного вида гипотаксиса на две позиции, одна из которых принадлежит субъ-

екту речи (того, от чьего лица ведётся повествование), а вторая передаёт чьё-то мнение, впечатление или предположение (к примеру, пересказанную речь субъекта сознания – того, чьё сознание отражается в тексте). Позиции субъекта речи и субъекта сознания могут как совпадать, так и не совпадать, что, в определённой степени, влияет на интегрированность придаточной части в повествовательный поток, хотя она лишь оттеняет какой-либо его нюанс.

Пересечение индикатива и конъюнктива на стыке слов субъекта речи, вводящих описание ситуации, и передачи впечатления субъекта речи/сознания в придаточной части порождает ряд особенностей употребления в ней конъюнктива: придаточное предложение, подобно косвенной речи, утрачивает свою темпоральную самостоятельность и передаёт лишь одновременность или предшествование действию, описываемому в главном. При этом презентные и претеритальные формы конъюнктива синонимичны и в семантике нереальности и в темпоральной значимости:

(1) *«Im Bereich des Schlosses?» wiederholte Barnabas, als verstehe er K. nicht.*

(2) *... da die Randleiste des Tisches hoch war, konnte K. nicht genau sehen, ob dort irgendwelche Schriften lagen, es schien ihm aber, als wäre er leer –*

Презенс конъюнктив в (1) и претерит конъюнктив в (2) выражают одновременность действия главного и придаточного предложения.

(3) *... der Schädel sah aus, als sei er oben platt geschlagen worden, und die Gesichtszüge hatten sich im Schmerz des Geschlagenwerdens gebildet ...*

(4) *Das war nun aber, wie sich zeigte, eine unpassende Bemerkung, es war, als hätte er Frieda aus einem ihm günstigen Schlummer geweckt.*

В немецком языке придаточные нереального сравнения строятся по схожим синтаксическим моделям, но в зависимости от структуры главного они реализуют различные типы придаточных:

- предикативные:

(5) *Wie er sie aber so dasitzen sah, jeden auf seinem Platz, ohne sich miteinander zu besprechen, ohne sichtbare Verbindung untereinander, nur dadurch miteinander verbunden, dass sie alle auf ihn starrten, schien es ihm, als sei es gar nicht Bosheit, was sie ihn verfolgen ließ;*

модальные: (6) *K. erschien das alles unwichtig, so, als ob es ihn nicht betreffe oder jedenfalls nicht binde...;*

- сравнительные: (7) *... der Schädel sah aus, als sei er oben platt geschlagen worden, ...*

- определительные: (8) *«Das werde ich Ihnen erklären», sagte die Wirtin in einem Ton, als sei diese Erklärung nicht etwa eine letzte Gefälligkeit, sondern schon die erste Strafe, die sie austeilte, ...*

Как правило, придаточная часть в предложениях с нереальным сравнением находится в постпозиции к главному и содержит рему – наиболее важную информацию высказывания.

(9) *Und nun stellen Sie sich, Herr Landvermesser, meine Enttäuschung vor, als jetzt, nach glücklicher Beendigung der ganzen Angelegenheit – und auch seither ist schon wieder viel Zeit verflossen -, plötzlich Sie auftreten und es den Anschein bekommt, als sollte die Sache wieder von vorn beginnen.*

Но доминирующий статус главного предложения не всегда означает, что в нём содержится основная коммуникативная информация, и исключать препозицию придаточного данного типа нельзя. Например: (10) *Und als sei Frieda gestärkt durch K.s Zustimmung, ballte sie die Faust, klopfte mit ihr an die Tür und rief: «Ich bin beim Landvermesser! Ich bin beim Landvermesser!»*

В контексте (10) семантический сдвиг происходит в обратном направлении: из нереальности в реальность, главное предложение превращается в рему высказывания, что делает его более экспрессивным.

Перфект конъюнктив в (3) и плюсквамперфект конъюнктив в (4) выражают предшествование действия придаточного предложения относительно действия главного предложения.

В отличие от придаточных сравнительных, где сравнение апеллирует к некой прототипической ситуации, придаточные нереального сравнения отражают субъективный чувственный опыт субъекта речи/сознания, дают психологическую интерпретацию внешних симптомов, допуская ошибочность или неточность. Вследствие подобной семантической приблизительности в высказывании с придаточным данного типа присутствует модальность неопределённости, «кажимости». «Кажимость» подразумевает не то, что видно, а то, что привиделось, не слышно, а послышалось [2: 834], она эволюционирует в сторону предположения [цит. раб.: 810]. Выражение предположения в языке неразрывно связано с категорией эпистемической модальности, которая реализуется в немецком языке с помощью ряда хорошо изученных языковых средств (модальные глаголы с инфинитивом I и II, модальные слова *vielleicht*, *wahrscheinlich*, *möglicherweise*, частицы *wohl*, *ja*, конструкции *scheinen/ glauben + zu + Infinitiv I/II*, *werden + Infinitiv I/II* и др.).

Как известно, придаточные нереального сравнения в этот ряд не входят, так как «эпистемическая модальность предложения заключается в выражении говорящим своего отношения к высказываемому суждению с точки зрения того, что имеется, имелось или будет иметься в реальном мире, без привнесения деонтических аспектов (т. е. того, что должно или хорошо было бы, чтобы имелось)» [4: 125]. Однако нельзя исключать и иную трактовку эпистемической модальности, при которой она «отражает степень полноты и характер знаний говорящего о событии» [6: 162]. В этом случае придаточные нереального сравнения могут отражать в качестве источника знания непосредственное чувственное восприятие, или логический вывод, лежащий в основе оценки достоверности [4: 163].

Предполагая, что придаточные предложения нереального сравнения могут выступать в роли знаков фонового повествовательного плана, мы исходим из того, что пропозиция придаточного предложения вступает в определённые отношения с предикатом главного, но уточняя характер называемого в нём действия, не развивает основную сюжетную линию. Степень истинности того, с чем происходит сопоставление, как бы ставиться под сомнение, и относительно его даётся только некоторое описание, базирующееся на чувственном опыте. На пропозицию главной – диктумной – части накладывается модальное значение придаточного предложения, окрашивает всё высказывание в субъективном плане, отражая, таким образом, отношение субъекта речи к содержанию сказанного. Таким образом повествование идёт в сторону, не обязательно

соответствующую нарративной цепочке. Приведем пример: (11) *Ihm gegenüber der Herr schwieg noch (11a), so, als hätte er für das zu Sagende nicht genug Atem in seiner überbreiten Brust (11b).*

Семантически в содержании предложения (11) возникает многослойная картина, в которую включается основная повествовательная информация (11a), её источник (наблюдение субъекта речи, идентичного субъекту сознания) и предположение относительно этой информации (11b). В семантику высказывания входит и оценка информации с точки зрения её достоверности. Она имплицитно присутствует в предлагаемом примере в виде логического противопоставления факта нехватки воздуха в груди молчащего мужчины и её чрезвычайно большого размера, что подтверждается аргументом вынесения части *in seiner überbreiten Brust* за рамку предложения и её рематического выделения. В результате информация придаточной части не продолжает основного повествования, а содержит «описание обстоятельств, сопутствующих событиям основной линии повествования».

Чувства, переживания и изображение чего-либо, не имеющего однозначной оценки достоверности описываемого, предполагают неопределённость, гипотетичность, что соответствует тезису о том, что «в предложениях с семантикой эпистемической модальности всегда есть предполагающий субъект, который может быть назван, а может быть имплицитным» [1: 94], что наблюдается в (11).

Придаточные предложения нереального сравнения как знак фонового повествовательного плана можно разделить на виды в зависимости от того, какое дополнение они привносят в основной повествовательный план. В тексте Ф. Кафки это может быть сопоставление действия с чем-либо с целью тонкой нюансировки изображаемого: (12) *Ehe der Wirt aber ging, wandte er sich noch an K., als habe nicht mehr er selbst, sondern K. wegen des Übernachtens zu entscheiden.*

В романе «Замок» часто речь идёт о передаче внутренних ощущений персонажа, его неуверенности, раздвоенности в восприятии реальности: (13) *Es war mir, als sei es vor vielen Jahren geschehen oder als sei es gar nicht mir geschehen oder als hätte ich es nur erzählen hören oder als hätte ich selbst es schon vergessen.*

Дополнительная функция этого типа высказываний связана с реализацией их модально-эпистемического потенциала как предполагаемого, но не обязательно достоверного отображения действительности, фрагмент которой преломляется через сознание [3: 113] субъекта речи. Выражение данного предположения подтверждается только его чувственным восприятием.

Как известно, эпистемическая модальность подразумевает не только некое предположение, но и оценку его достоверности по шкале: сильная, средняя, слабая уверенность. Придаточное предложение нереального сравнения может в некоторой степени выполнять эту функцию в случае, если за ним следует пояснение или опровержение предложенной пропозиции:

(14) *Die Gehilfen standen draußen im Hof, ... Sie taten, als wären sie glücklich, K. wiederzusehen; vor Glück zeigten sie ihn einander und tippten dabei immerfort an das Küchenfenster.*

(15) *Zuerst wandten sie sich gegen sie, als sei eine neue Tänzerin angekommen, und tatsächlich sah es einen Augenblick lang so aus, als wolle Frieda die Peitsche fallen lassen, aber dann hob sie sie wieder.*

(16) Wenn K. das Schloss ansah, so war es ihm manchmal, als beobachtete er jemanden, der ruhig dasitze und vor sich hinsehe, nicht etwa in Gedanken verloren und dadurch gegen alles abgeschlossen, sondern frei und unbekümmert, so, als sei er allein und niemand beobachte ihn, und doch musste er merken, dass er beobachtet wurde, ...

Во фрагментах (14–16) можно наблюдать, что эпистемические смыслы в придаточном предложении нереального сравнения не исключают подтверждения или опровержения сделанного предположения, хотя и только в рамках контекста. Однако они не развивают сюжетную линию, а только усиливают эффект «кажмости».

Рассматривая придаточные нереального сравнения как знак фонового повествовательного плана, следует отметить прагматическую целесообразность их использования в нарративном художественном тексте. Их иллокутивный потенциал, состоящий в выражении ряда семантических категорий и придающий тексту соответствующую нюансировку, создаёт, на наш взгляд, совмещение ряда семантических плоскостей на уровне одного синтаксического образования: сравнение – сопоставление двух и более ситуаций, наложение реальности и нереальности, выражение модальности «кажмости», пересекательная с эпистемическими характеристиками высказывания. Это порождает многоуровневое воздействие на читателя, оно может усиливаться путём грамматического параллелизма в виде ряда придаточных нереального сравнения:

(17) Und als nun, ... der Kutscher quer über den Hof ging, ... das große Tor zumachte, dann zurückkam, alles langsam und förmlich nur in Betrachtung seiner eigenen Spur im Schnee, dann sich im Stall einschloss und nun auch alles elektrische Licht verlöschte ... und nur noch oben der Spalt in der Holzgalerie hell blieb und den irrenden Blick ein wenig festhielt, da schien es K., als habe man nun alle Verbindung mit ihm abgebrochen und als sei er nun freilich freier als jemals und könne hier auf dem ihm sonst verbotenen Ort warten, solange er wolle, und habe sich diese Freiheit erkämpft, wie kaum ein anderer es könnte, und niemand dürfe ihn anrühren oder vertreiben, ja kaum ansprechen; aber – diese Überzeugung war zumindest ebenso stark – als gäbe es gleichzeitig nichts Sinnloseres, nichts Verzweifelteres als diese Freiheit, dieses Warten, diese Unverletzlichkeit.

В столь сложной синтаксической конфигурации на компонент эпистемической модальности, заложенный в предложении *da schien es K.*, накладывается ряд придаточных нереального сравнения. В результате они создают в тексте атмосферу размытой реальности, где субъективное восприятие действительности превалирует и перемещает сознание читателя в иной, далекий от объективной реальности мир.

Из-за повышенной частотности придаточных данного типа в романе «Замок» возникает диспропорция реального и гипотетического осознания действительности, неопределённость в описании событий, размывается грань между происходящим и тем, что только кажется. Такой эффект достигается, поскольку семантика нереального сравнения присуща не тем языковым единицам, которые формируют повествовательный поток, а тем, которые составляют фоновый повествовательный план. Благодаря им текст Ф. Кафки приобретает характеристики, позволяющие говорить о его авторе как о представителе крайнего субъективизма. Пристальный взгляд на языковые особенности его текста

позволяют глубже понять те способы, с помощью которых находит свое отражение концептуальное мировосприятие этого писателя.

Список литературы

1. Аверина А.В. стилистический аспект функционально-семантического поля (на примере поля эпистемической модальности немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук. М. 2010. 448 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. 1999. 896 с.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. 2-е изд., исправ. и доп. М. 1986. 220 с.
4. Демьянков В.З. Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. М. 1981. С.115–132.
5. Плунгян В.А. Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 7–34.
6. Швец В.М. Субъективная (эпистемическая) модальность и её выражение в детской речи // Семантические категории в детской речи. СПб. 2007, С. 161–180.
7. Bratschat, B. Aspekt und grounding in russischen Texten // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1987. – 40/6. S. 759–771.
8. Chvany C.V. Foregrounding, «transitivity», saliency in sequential prose // Essays in Poetics. 1985. Vol. 10. Pp. 1–26.
9. Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1972. 136 S.
10. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М. 2004. 352 S.
11. Reinhart T. Principles of gestalt perception in the temporal organization of narrative texts // Linguistics. 1984. Vol. 22. № 6. Pp. 779–809.

SUBORDINATE CLAUSE WITH UNREAL COMPARATIVE SEMANTICS AS A SIGN OF BACKGROUND PLAN IN A NARRATIVE TEXT

(based on the novel by Franz Kafka "The Castle")

I.A. Shipova

Moscow State Teachers' Training University

The article is devoted to investigation of the foreground and background plan in narrative text in which clauses with unreal comparative semantics appear as special syntactic structures reflecting the background of the narrative plan. The semantic and pragmatic property of such clauses allows us to interpret them as a signs of narrative text influencing the perception of the text as a whole.

Keywords: *basic / background plan of narrative text, clauses with unreal comparison, text modality.*

Об авторе:

ШИПОВА Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Московского педагогического государственного университета, докторант, e-mail: schipowa@mail.ru.